

MAINSTREAM
COLLECTION

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ВЛАДИМИРА КАЧАНА:

Неверный Ромео

Юность Бабы-яги

Арт-пасьянс

Улыбайтесь, сейчас вылетит птичка

Аплодисменты после

На костылях любви

ВЛАДИМИР КАЧАН

НЕВЕРНЫЙ РОМЕО

Москва
ФЛОБЕРИУМ / RUGRAM
2022

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
К30

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флоберיום»

Миссия «Флобериума» –
открывать звезды и дарить их людям, чтобы жизнь стала ярче

Произведения издаются в авторской редакции

Качан, В.

К30 Неверный Ромео / В. Качан. — М.: Флоберיום / RUGRAM,
2022. — 366 с. — (Mainstream Collection).

ISBN 978-5-521-91167-7

Самые лучшие произведения Владимира Качана связаны с женщинами. Возьмем ли мы «Роковую Марусю», о которой Леонид Филатов написал: «я даже стал по-хорошему завидовать Володе, потому что это написал он, а не я», или повесть «Опять ягодка» о чудесной сорокапятилетней Кате, которая встретила любовь и устроила свою жизнь, несмотря на навязанные стереотипы. Даже неоднозначная героиня из повести «Байкер Семен и старуха Федосеева» стала для писателя поводом еще раз сказать о Любви, которая выправляет судьбу и делает человека счастливей. Самые настоящие Джульетты по-прежнему встречаются среди современных особей женского рода, не важно — человеческого или животного. А неверные Ромео... Что ж, без них невозможно постигнуть женскую преданность!

BIC FA
BISAC FIC000000

© Владимир Качан, текст, 2022
© Наталия Костакис, иллюстрация, 2022
© Александр Кудрявцев, дизайн
обложки, 2022
© ООО «Флоберיום», 2022
© RUGRAM, 2022

ISBN 978-5-521-91167-7

РОКОВАЯ МАРУСЯ

**Любовно - театральный
роман**

*Великому и ничтожному племени —
артистам посвящается*

СЛЕЗА

Слеза Маши Кодомцевой обычно стекала медленно-медленно по совершенно неподвижному лицу. По левой щеке. Но вначале ее большие, красивые, серо-голубые глаза слегка влажнели, придавая взгляду драматический блеск, затем наполнялись слезами, затем переполнялись, чудом удерживая влагу в границах длинных черных ресниц, траурной рамкой обрамляющих всю картину, и, наконец, одна, казалось бы, непрошенная слеза медленно выкатывалась из одного, чаще всего левого глаза, и так же медленно и красиво стекала вниз по щеке. При этом — никакого дрожания губ, голос не прерывается, а наоборот, очень ровный, низкий, мягкий; руки покойно и благородно висят, и только слеза, влажный хрусталь, красиво расположенный на левой щеке, прозрачно намекает, что все не так просто, что там, в глубине, — драма и что тебе это все равно не понять, но это уже позже, вместе с чуть заметной (но все-таки заметной!) горькой усмешкой.

Я называл ее Маруся. Для того, вероятно, чтобы хоть как-то сбалансировать с нормальной земной жизнью все это ее роковое, загадочное и поэтическое. Пожалуй, я был ее единственным знакомым, кто относился к ней не совсем серьезно, у кого ее стиль обольщения вызывал улыбку. Сначала она сердилась, что ее так быстро и безжалостно поняли, а потом сделала меня своим тайным союзником:

мол, мы с тобой, и только мы двое про все знаем, но молчим. Это случалось, когда мы встречались в какой-нибудь компании и я видел, как безнадежно попадался, в который раз, молодой, красивый и, казалось бы, неглупый человек. Общий любимец, в центре внимания, чувствующий, что он всем нравится, и весь растворяющийся в этом, весь такой летящий, он вдруг натыкался на Машин взгляд, горячий и слегка грустный.

Он все так же продолжал шутить и нравиться, все еще воображая себя в свободном полете, а этот полет уже превращался в свободное падение. Полет был прерван быстрым, навскидку, выстрелом Машиных глаз, и он уже не так смеялся, не так шутил, не так попадал и спотыкался, уже ум его был смущен, а воображение задето, он уже погиб, только пока об этом не знал, а знали только мы двое, Маша и я, и на мой вопрошающе-насмешливый взгляд она взглядом же будто просила меня: «Не выдавай меня, ну пожалуйста. Знаешь — ну и не смейся, ну и молчи, посиди тихо, потом посмеемся вместе». И я ждал, становясь невольным сообщником Маши и не разрывая тонкую паутину ее нового романа, в которой уже билась очередная блестящая и красивая муха.

В этом месте кто-то из вас может подумать, что моя героиня — тривиальная блядь в тривиальной богемной среде. И ошибется! Не спешите с выводами, мой далекий читающий друг, не спешите. Все не так просто. Вы, к примеру, не знаете, что у Маши был туберкулез. Если вы моралист, то для вас это ничего не оправдывает, но я льщу себя надеждой, что кое-что объясняет. Обострение этой болезни, как и у всех хроников, происходит весной и осенью и сопровождается, как говорят медики, особенной чувственностью.

Вот и для Маши весна и осень были характерны особыми всплесками чувственности, а значит, и новым романом.